

МИХАИЛ АХМАНОВ

ДАЛЬШЕ САМЫХ ДАЛЕКИХ ЗВЕЗД

Глава 1. Одержимый

Эта сельскохозяйственная планетка звалась Опеншо. Мелкая, немного крупнее Марса, но приятная: три зеленых континента, острова что клумбы с цветами, живописные горы и теплый бирюзовый океан. Ни пустынь, ни льдов, климат - райский, тяготение – три четверти стандартного... Собственно, Калевб завернул сюда в надежде отдохнуть и прокутить заработанные на Сервантесе деньги. Что ни говори, Свободный Охотник тоже нуждается в отдыхе, тем более после randevu с саблезубыми крысами. Выбрав уютный отель в приморском городке, он отдыхал целую декаду, пил сладкое розовое вино, встретил сговорчивых девочек, а потом наткнулся на Весли Кинга. Тот не отдыхал, собрался поработать, но работа, кажется, была ему не зубам. Весли никогда бы не обмолвился об этом, но читалась в его глазах смутная тревога - пожалуй, даже опасение. Не хотел он рисковать без партнера, что не удивительно при их занятиях... Калевб, уже почти забывший о крысах с Сервантеса, решил ему помочь. Опять же, деньги лишними не бывают, а Монастыри платили щедро.

Он стоял на платформе у подножия холма, разглядывая изгибающийся над речным потоком каменный мост и руины древнего города на другом берегу. Холм седлала широкая цилиндрическая башня Монастыря, по пологому склону растопыренными пальцами тянулись улочки с крытыми черепицей домами, а еще ниже торчал среди каменных плит остроконечный шпиль часовни - там, вероятно, было кладбище. На равнине, засаженной виноградниками и фруктовыми рощами, виднелись и другие строения - фермы с давяльнями и сараями для скота, хрустальный куб энергостанции, а за ним - приземистое здание консервной фабрики. Тепло, небо ясное, солнце как серебряный глаз, с реки тянет свежим ветерком... Мирная картина! Самое время сесть в таверне под полосатым тентом, выпить вина и завести знакомство с какой-нибудь красоткой... Но все кабачки и таверны в поселке закрыты, все жители здесь - стоят плотной толпой, тихо шепчутся, словно пчелиный рой жужжит. Те, что повыше - потомки колонистов, а местные на эльфов похожи - гибкие, хрупкие, безбородые, тонкие в кости. Наверное, кажется им, что если собраться кучей, будет не так страшно.

- Чего ты ждешь, сын Охотник? - спросил брат Павел, переступая с ноги на ногу. - Вот мост, вот развалины, а в них - одержимый убийца! Хорошо бы покончить с ним до вечерней зари. Если ночью он опять придет...

Голос монаха прервался - он тоже был напуган. До смерти!

Калевб окинул его быстрым взглядом. Высокий, но лицо узкое, бледное, на скулах зеленоватые пятна, борода - три волоска... Метис, как и многие в этом мире. Дело понятное, колонисты здесь живут почти тысячелетие. Или больше?... В общем, хватило времени, чтобы перемешаться...

- Во имя Жизни и Света! Что ты молчишь, сын? - Монах вцепился в край платформы узловатыми пальцами. - Отправляйся в город! Тебе заплатили!

- Не торопи меня, брат Павел. Я размышляю, - буркнул Калевб.

- И долго ты будешь думать?

- Пока твоя моча не посинеет. Мне заплатили, верно... Но ты ведь не хочешь, чтобы плата пропала, а я остался здесь, под травкой?

- Калевб махнул рукой в сторону кладбища.

Там хватало свежих могил. Очевидно, монах тоже подумал об этом - насупился, отошел в сторону и, вытащив из рукава хламида алый молитвенный кристалл, беззвучно зашевелил губами. Вряд ли его молитвы спасали от одержимого - брат Павел явно не был адептом.

Похоже, и в других монастырях Опеншо адептов не нашлось, раз наняли Охотника...

Не нашлось, так платите, трутни бесполье, с усмешкой подумал Калевб, прислушиваясь к бормотанию в толпе. Острота чувств была столь же необходима в его профессии, как лучемет или защитная броня, но, в отличие от оружия, этот врожденный дар не продавался и никакие импланты его не заменяли. Разглядывая город на речном берегу, он следил за игрой теней среди рассыпавшихся бесформенными кучами руин, втягивал теплый воздух, насыщенный множеством запахов. Дым очагов, свежий аромат воды, нагретый солнцем камень, смрад, которым тянуло от загонов с животными, запахи пота, кожи, дешевых благовоний, витавшие над толпой... Запах страха, знакомый Охотнику и одинаковый повсюду, где людей подстерегает смерть.

В толпе бормотали:

- Червь... это червь...

- Червь заползает ночью в ухо, а он ходил в город... днем ходил...
- Нет у нас червей... много лет не попадались... А клещ встречается...
- Клещ не делает одержимым...
- Это смотря какой клещ, съон Жерард... Те, что с Туманного острова, они...
- Прошлой ночью высосал Кенрика-портного... Кенрика и всех его семейных... жену, дочь и сына-младенца...

- Мы напротив Кенрика живем, а ничего не слышали...
- У кого червь в голове, тот сам как червь... тихо ползет, не услышишь...
- Говорю, съона, не червь это, а клещ с Туманного острова!..
- Клещ! Где мы, а где тот остров! Как он сюда попал?..
- Они, слышь, летучие...
- Может, не червь, не клещ, а слизень-мозговерт... эти тоже до крови охочие...

Тяжелый вздох, потом шепот:

- Бедная Инес... Уже шестнадцать высосал... скажут, все на ней... зачем Гауба в город пустила?..
- Нет в том ее вины. У Гауба нрав упрямый! Все знают!..
- Надо бы ей очиститься...
- Монастырские исповедают и очистят. Это по ним, а как с одержимым совладать, они в

сторону. Хорошо еще, Охотников наняли...

- Сами боятся, вот и наняли...

Толпа раздалась, из нее вынырнул Весли Кинг, тащивший за руку молодую женщину. Люди шарахались от Охотника - в пластиковой шипастой кирасе был он широким, громоздким, похожим на сказочного великана. Сверкали на бедрах клинки в магнитной подвеске, глядел из-под локтя черный значок "гаррисона", топорщились рассованные по карманам фризеры, баллоны с газом, лучевые ножи, подрагивал ствол огнемёта над шлемом. По сравнению с ним женщина казалась былинкой около дуба.

Выглядит на двадцать пять, решил Калёб. Очевидно, столько и есть; люди тут небогатые, реверсия им не по карману.

- Вот! - Весли подтолкнул женщину к платформе. - Съона Инес ар'Гауб. Супруга нашего клиента. Монах перестал молиться, спрятал свой кристалл и повернулся к женщине.

- Что вам от нее нужно, Охотники? Она пребывает в печали и горести, и тут ей не место! Пусть возвращается в Монастырь!

- Вернется, если пожелает, а сейчас я хочу ее расспросить, - произнес Калёб. - Закрой рот, монах!

Он уселся на краю платформы, свесил ноги и еще раз окинул женщину взглядом. Личико бледное, заплаканное, темные волосы в беспорядке, но одета аккуратно и выглядит вполне вменяемой... Хоть в печали, а соображения не лишилась.

- Скажи мне, съона Инес, когда твой муж не вернулся домой?
- Калёб говорил тихо, стараясь не напугать женщину.
- Восемь дней прошло, съон Охотник, - прошептала Инес.

Восемь дней, шестнадцать погибших... Обильная пища! Наверное, тварь размножается или скоро к этому приступит, подумал Калёб. Червь, клещ, слизень, не так уж важно, времени хватит для любого паразита.

- Он ходил в город. Зачем?

- Искал всякое... статуэтки, черепки с надписями, печати из камня... За это хорошо платят, - пояснила женщина, размазывая слезы по щекам. - Искал старинные вещи.

- Вот и доискался... - пробормотал Весли Кинг.

Калёб зыркнул на него, дернул бровью - мол, знай свое место и не мешай. Весли не относился к избранным, то есть к Потомственным Охотникам, и стоял в Реестре Братства где-то в третьей сотне. Если бы дело касалось крыс, гигантских пауков с Биквары и другой такой же нечисти, можно было бы довериться его опыту и сноровке. Что там крысы и пауки?.. Безмозглые твари, стреляй да стреляй... Паразиты, способные овладеть человеческим разумом, считались гораздо опаснее.

- Твой муж что-то рассказывал про эту помойку? - Калёб кивнул в сторону руин. - Где он копался, какие здания осматривал, что видел? Не плачь и постарайся вспомнить.

Инес шмыгнула носом.

- Вы его убьете, да? Убьете моего Гауба?

- Непременно, - пообещал Весли Кинг, и женщина разрыдалась.

- Весли, заткни пасть, - сказал Кaleb. - А ты, сыона, не разводи сырость и отвечай. Гауб умер восемь дней назад. В городе сейчас не он, а кровожадный монстр. Хочешь, чтобы эта тварь еще кого-нибудь сгубила? Твоих близких, твоих соседей, их ребятишек?

Это подействовало. Инес вытерла слезы и прошептала:

- Пруд...

- Что - пруд?

- На площади... Гауб говорил, там есть пруд... Он сидел у воды, чтобы отдохнуть...

- Пил эту воду?

- Нет. Мутная, грязная... Я давала ему еды и улох... он любил улох...

Напиток из местных ягод, припомнил Кaleb и спросил снова:

- Может быть, умывался в этом пруду? Дни стоят жаркие, а копать в земле - труд нелегкий.

- Может быть. Не знаю, сын Охотник...

Больше из нее ничего не вытянуть, решил Кaleb и, вздохнув, поднялся на ноги.

- Залезай на платформу, Весли. Отправляемся.

Гравиплатформа покачнулась и слегка осела - даже здесь, при пониженном тяготении, Кинг весил изрядно. В толпе загомонили, замахали руками; кто-то подбросил в воздух горсть изюма и зерна - на удачу. Брат Павел снова вытащил прозрачный шарик и принялся читать молитвы. Инес ар'Гауб опустила голову и спрятала лицо в ладонях - должно быть, не хотела, чтобы видели ее слезы.

- Пруд, - задумчиво произнес Кaleb, - пруд с мутной водой...

Не там ли его подцепили?..

- Думаешь, гидра? - Весли побледнел и машинально стиснул рукоять "гаррисона".

Не ответив, Кaleb хмуро уставился на развалины за рекой.

Древний город выглядел темным, мрачным, угрожающим - груды перемешанной с мусором щебенки, провалившиеся кровли, обломки колонн, стены, оплетенные лозой, каменные глыбы, на которых некогда покоились укрепления с рассыпавшимися башнями. Город был возведен не колонистами со звезд, а каким-то народом Опеншо, обитавшим тут в незапамятные времена. Очевидно, планета знала эпоху величия, которая, как и в других населенных людью мирах, раньше или позже сменялась упадком. Качели истории то возносились к небесам, обещая могущество, процветание и вечную жизнь, то погружали человечество в пропасть дикости и забвения. Так было, пока не появился двигатель Берроуза, объединивший Галактики, а вместе с ним - системы искусственного интеллекта, гравипривод, биологическая реверсия, общий язык и прочие дары прогресса.

Платформа проплыла над заросшим травой берегом и спустилась к реке. Управлявший ею автомат почему-то не свернул на мост, решив форсировать водную преграду по воздуху. Впрочем, для таких летательных аппаратов не имело значения, что под днищем, земная твердь или текучие воды; платформа не нуждалась в опорной поверхности, двигалась неторопливо, зато была очень надежным устройством.

Кaleb проверил снаряжение, закрепленное на поясе и броне, вытащил из кармашка над коленом крохотный инъектор, покачал головой и вернул его на место. Затем обернулся, бросил взгляд на склон холма, застроенный домами, на приземистую монастырскую башню и зеленую равнину, тянувшуюся до самого горизонта. Чуть заметно покачиваясь, платформа шла к другому берегу, слева выгибался изящными арками мост, внизу и справа стремились к морю светлые речные воды, и небосвод, крыша этого тихого уютного мира, сиял нежной лазурью. Красивая планетка! Правда, название подкачало - почему Опеншо?.. Может, это имя первооткрывателя?.. Почему бы и нет!.. Во Вселенной сотни тысяч обитаемых миров, названий на них не напасешься! Как-то Кaleb отстреливал зубастых чудищ на планете Шесть с Половиной, что делала оборот за шесть с половиной стандартных часов, а на Пьяной Топи еле вылез из болота, кишевшего ядовитыми пиявками. Опеншо все же лучший вариант. Хотя, если подумать о гидре...

Они выбрались на берег у развалин крепостной стены. Спрыгнули на землю, одинаковым движением опустили лицевые щитки, приготовили оружие. Потом Кaleb сказал:

- Работаем, Весли. Дистанция четыре шага. Вперед!

В стене нашлись ворота. Башни, некогда соединенные арочным пролетом, давно рухнули, их останки торчали как пара сгнивших зубов в рассыпавшейся челюсти гиганта. Поодаль выглядывал из кучи щебня каменный идол - пасть ощерена, когтистая лапа с угрозой поднята вверх. Друг за другом Охотники перебрались через груды мусора, поросшие колючими кустами, и вступили в город.

Открылась улица - узкая, как лезвие ножа. На всю длину она не просматривалась, делала резкий зигзаг метрах в семидесяти от приворотных башен. По обе ее стороны лежали руины зданий: стены из потемневшего камня поднимались выше человеческого роста, мостовая была засыпана битой черепицей и каменными обломками, кое-где над стенами торчали покосившиеся трубы очагов. Судя по отсутствию костей и других признаков насилия, город не был захвачен врагами, разрушен или сожжен - жители сами покинули его, оставив в жертву времени, и над ним потрудились только солнце, ветер и дожди.

По сигналу Калеба платформа отстрелила зонд. Небольшой диск взмыл в небеса, замер, слегка покачиваясь, над руинами, и у левой перчатки Охотника тотчас вспыхнул маленький экран. Он всмотрелся в призрачное изображение. Улицы, изломанные резкими поворотами, стягивались к центральной площади, которую окружали более крупные и массивные здания - возможно, храмы или дворцы; их стены, подпертые контрфорсами, были выше, чем на городской окраине, рухнувшие кровли позволяли разглядеть хаос внутренних помещений. В середине овальной площади темнело пятно неправильных очертаний; вероятно, в прошлом там был колодец, но с течением лет ливни и подземные воды размыли почву, уничтожив всякий след искусственного сооружения. Теперь это было крохотное, похожее на кляксу озерцо, и рядом с ним пульсировала алая точка.

- Он на площади, у водоема, - произнес Весли. - Похоже, парня мучает жажда.

- Не думаю. - Кaleb покачал головой. - Вампир, который пьет кровь, не нуждается в другой жидкости. Он охраняет этот пруд.

- С чего бы?

- Там, в воде, его потомство. Обильная пища, влага, тепло и несколько дней безопасности, все, что надо для размножения... - Кaleb смолк, взглянув на экран, потом пробурчал: - Будь я проклят, Весли! Это гидра, теперь я уверен! Придется попотеть.

Лицо напарника омрачилось. Однако Весли Кинг все же был Охотником, пусть не из первой сотни. Крепче стиснув ствол лучемета, он выдавил кривую усмешку и пробурчал:

- Заботливый родитель! Раз так, не придется искать его в этой куче дерьма. Сам прибежит, когда мы подморозим водичку!-

- Прибежит, не сомневайся.

С этими словами Кaleb зашагал по улице. Чувства его были напряжены; он глубоко втягивал ноздрями воздух, слушал, как потрескивают раскаленные на солнце камни и шуршит, осыпаясь, щебенка.

Улица резко вильнула влево, потом вправо. Сквозь дыры в стенах, что были когда-то окнами, он видел комнаты, залы, коридоры, заваленные смешанной с камнями землей и грудami мусора. Иногда в этих древних напластованиях попадались следы раскопок, ямы и траншеи, обрамленные валами грунта, залитые грязной водой, полузасыпанные или почти слившиеся с почвой. За минувшие тысячелетия в городе шарил не одна сотня искателей сокровищ, и Гауб, конечно, не был первым. Те, что копались тут раньше него, рисковали, что рухнут им на голову стены, или засыплет в шурфе, или провалится земля, похоронив неудачника в какой-нибудь пещере. Но, в сравнении с ними, супругу сыны Инес очень уж не повезло - наткнулся на такую тварь, что в страшном сне не приснится. Должно быть, принесли ее подземные воды, а как она попала в водоток и вообще на планету - разговор отдельный и для Гауба совсем неинтересный. Гаубу теперь одна дорога - под излучатель или клинок.

Улица, которой шли Охотники, становилась все уже - пожалуй, раскинув руки, Кaleb сумел бы дотянуться до противоположных стен. Несомненно, строители сделали это с какой-то целью - не исключалось, оборонительной; перекрыть проход не составляло труда, и десяток умелых бойцов мог бы сдержать тут целую сотню. Неплохо для древних воинов, но Охотникам эта улица-щель казалась ловушкой: под ногами - россыпи черепицы и камней, ветхие стены грозят обрушиться, обзор неважный и нет места для маневра. Но висевший над городом зонд посылал четкую картину, и алая точка по-прежнему мерцала рядом с водоемом.

- Давай-ка поглядим, чем он занят, - промолвил Весли Кинг, увеличивая изображение на экране. - Никогда не встречал парня с этой тварью в башке. Может, у него щупальцы отросли, а?

- Гидра не метаморф, изменять обличье не умеет, - отозвался Калев. - И она не в голове сидит, а на спине у шеи, там, где крупные сосуды, снабжающие кровью мозг. На горб похоже. - Сделав паузу, он добавил: - Видел такое на Планете Башен... один-единственный раз...

Воспоминание было не из приятных, как и другие случаи одержимости, когда мерзкая тварь завладевала человеческим телом и разумом. Люди обитали на мириадах планет Великих Галактик – как правило, под светом стабильных звезд, где соблюдался необходимый для гоминидов баланс тепла, гравитации, влажности и состава атмосферы. Повсюду разумный вид был частью экосистемы, включавшей растения и животных, насекомых, рыб и микроорганизмы; эта бурная жизнь нередко порождала особые эндемики, не опасные для автохтонов, но неизвестные в других мирах. В эпоху космических полетов эти формы случайно или намеренно переносились с планеты на планету, мутировали в новой среде обитания и иногда превращались в чудовищных полуразумных монстров, не питавших к человеку должного почтения. Обычно эти паразиты, мокрицы, черви, гидры, клещи, внедрялись в человеческую плоть и, подсоединившись к ведущим в мозг нервным окончаниям, подчиняли носителя. Результат такого симбиоза зависел от свойств твари: сравнительно безобидная мокрица, питавшаяся желудочными соками, побуждала человека есть; черви и клещи затуманивали разум, вызывая симптомы, сходные с шизофренией и манией преследования; гидра превращала носителя в вампира. Избавиться от паразитов медицинским путем удавалось не всегда, и самый надежный способ предусматривал уничтожение твари вместе с носителем. Что, однако, было непростой задачей.

- Гляди-ка, он голый! - произнес Весли за спиной Калеба.

- Валяется у этой лужи кверху причиндалами! Может, спит? Или сдох?

Калев покосился на экран у левого запястья. Нагой человек лежал на спине, опустив руку в водоем, и хоть выглядел он таким же, как любой представитель гомо сапиенс, в лице его не было ничего человеческого. Черты застыли гротескной маской: закрытые глаза во ввалившихся орбитах, обтянутые бледной безволосой кожей челюсти, лоб, рассеченный резкими морщинами. Наверное, сына Инес сейчас не узнала бы своего мужа - он постарел лет на сорок.

- Скелет, - пробормотал Весли Кинг, - похож на скелет. Вон как ребра выпирают... и мослы торчат... На вид задохлик!

- Только на вид, - уточнил Калев.

Выбравшись к неширокому завалу в конце улицы, они замерли по обе стороны этой баррикады. Несколько разбитых колонн и камни рухнувшего дворца или, возможно, святилища надежно скрывали Охотников, позволяя без помех разглядывать площадь. На ней тоже хватало мусорных куч и холмов, так что с их позиции одержимый не был виден. Не повезло! - мелькнула мысль у Калеба. Отстрелить бы руку или ногу, тварь была бы не такой подвижной...

Перехватив ствол "гаррисона", он приказал:

- Сбей камешек вон с той кучи, Весли. Надо его поднять.

Яркий луч ударил в каменную глыбу, полетели осколки, взвилось пыльное облако. В тот же миг над завалами промелькнула белесая тень, стремительная, как всплеск молнии; одержимый двигался так быстро, что взгляд не успевал зафиксировать, где он находится в данный момент. Калев выстрелил - раз, другой, третий; огненные стрелы лучемета пронзили воздух, в дальнем конце площади посыпалась цветная плитка с какого-то дворца, потом весь фасад с грохотом рухнул в тучах пыли.

- Седьмое Пекло! Не попал! - с разочарованием произнес он.

Даже для Потомственного Охотника цель была слишком быстрой.

- Шустряк! - откликнулся Весли Кинг. - Ну, и где он теперь?

Алая точка на экране переместилась в развалины на правой стороне площади. Стоит неподвижно, отметил Калев, стоит, ждет. Не человек, конечно, но тварь сообразительная. Понимает, кто за ней явился.

- Идем к водоему. - Он кивнул в сторону площади. - Дистанция прежняя. Услышишь шорох или заметишь что-то, стреляй. Из огнемета стреляй, у него сектор поражения больше.

- Погоняем его в развалинах?

- Нет. Сам придет, чтобы нас убить. В пруду его потомство.

Охотники осторожно двинулись вперед, перебираясь с одной груды камней на другую. Здания, окружавшие площадь, сохранились лучше, чем у городских ворот, и выглядели величественно: ряды колонн, разделенных арками, каменная резьба и мозаика на остатках фронтонов, переломанные статуи в нишах и роспись внутренних стен - потускневшая, но сохранившаяся совсем неплохо. Настоящие археологи никогда здесь не работали, иначе фрески и мозаики, вырезанные вместе со стенами, обломки изваяний, каменные шпильки и завитушки давно находились бы в каком-нибудь музее или в частных коллекциях. Но в Великих Галактиках было столько планет с древними заброшенными городами, что исследовать их все казалось невозможным и ненужным. Копали там, где древние культуры могли обогатить галактическую цивилизацию особо ценными предметами искусства, копали на Офире и Планете Башен, на Шамбале, Земле и Полярной, на Седьмой Айра в Магеллановых Облаках и, разумеется, на Авалоне.

Пространство вокруг прогретого солнцем озерца было расчищено, камни сложены в невысокий барьер поодаль от воды. Она выглядела темной, мутной, и на ее поверхности колыхались и подрагивали тонкие блестящие нити - псевдоподии, выпущенные зародышами гидры. При виде их Калевб ощутил, как по спине холодной лапой прошелся ужас. Взрослая гидра выбрасывала нити с невероятной быстротой, прокалывала кости черепа сразу в нескольких местах и подсоединялась к мозгу, превращая человека в одержимого, в покорного носителя. Из всех паразитов она была самой опасной и неуловимой; случалось, что в зараженных гидрами районах уничтожали все живое с помощью фризерных бомб. Холода гидры не выносили.

- Бросай гранату, - распорядился Калевб. Ствол его лучемета смотрел на полуобвалившееся здание с шеренгой шестигранных колонн.

Тварь затаилась там, как подсказывали приборы зонда.

Цилиндр фризера булькнул, упав в водоем, и его середина сразу подернулась ледяной коркой.

- Еще гранату, - промолвил Калевб, не спуская глаз с развалин.

Весли вскинул руку, но бросить фризер ему не удалось - быстрое, почти незаметное глазу движение за спиной Охотника, и он с воплем повалился наземь. Калевб успел выстрелить лишь один раз и тут же послал в спину одержимого струю из огнемёта. Пламя растеклось по земле, опалило камни, но монстр снова ускользнул. Он был словно незримый призрак, оседлавший ураган.

- И все же я тебя достану, тварь! - процедил Калевб сквозь зубы, направляясь к Весли. Броневой щиток на плече партнера треснул от страшного удара, но все же спас его руку, а возможно, и жизнь. Проклиная ублюдочных тварей во всех Галактиках, Старых и Новых, Весли поднялся на ноги, сдвинул щиток, ослабил крепления панциря и осмотрел плечо. Кожа под щитком посинела, пятно огромного кровопотека тянулось от шеи до бицепса, но кости, похоже, были целы.

- Крысиная задница! Он едва мне руку не оторвал!

- Это гидра, - хмуро напомнил Калевб. - Когда пищи вдоволь, метаболизм ускоряется, реакция фантастическая и огромная сила... Рука действует?

- Да, хвала Творцу Бозону! - Весли наклонился и подобрал откатившийся в сторону фризер. - Ты его зацепил?

- Не удалось. Очень быстрый. - Калевб уставился на водоем.

- Но он не уйдет и будет нападать снова и снова.

Весли тоже посмотрел на воду с колыхавшимися на поверхности нитями и выдавил кривую усмешку.

- Хороша приманка, а? Я брошу пару фризеров, если ты не против. Вдруг тебе следующий раз повезет.

- Бросим вместе. - Калевб тоже вытащил гранату. - Но лучше бы встать у камней, что справа от водоема. Все же укрытие...

Озираясь и поглядывая на экраны Охотники переместились к высокому каменному валу. Местное светило прошло зенит, но все еще палило как в преисподней. В броне было жарко, по спине и с висков катились струйки пота, ствол "гаррисона" жег ладонь через перчатку. Над камнями и грудками щебня плясали в раскаленном воздухе пыльные смерчи, лед в середине пруда быстро таял, вода, пусть темная, мутная, манила обещанием прохлады.

- Давай, - сказал Калевб. - Думаю, хватит четырех фризеров.

Две гранаты полетели в воду, затем еще две. Водоем мгновенно замерз до самого дна, монолитную ледяную глыбу с грохотом выперло из берегов, лед пошел трещинами, заскрежетал, но эти звуки были перекрыты тонким пронзительным воплем. Мнилось, что его испускает какой-то зверь, а не горло человека - вернее, существа, не так давно принадлежавшего к человеческому роду. Этот стон отчаяния или ярости еще висел в воздухе, когда грохнули падающие камни и под стремительными шагами взвизгнула щебенка.

- Берегись! - выкрикнул Калев, вскидывая излучатель. В следующий миг какая-то необоримая сила повернула ствол к небу, и разряд ударил в каменный зубец над ближним зданием. Жуткое лицо с оскаленными зубами возникло перед Охотником, пальцы-крючья вцепились в плечи, пытаясь смять броню, и Калев упал, выпустив лучемер. Вместе с противником он покатился по щебенке, чувствуя, как прогибаются, вдавливаются в тело броневиные щитки. Солнце и небо словно подпрыгивали над ним, он был то сверху, то снизу, его руки сжимали ребра монстра, и на какую-то долю секунды он даже различил, как трещат, ломаясь, кости одержимого. Усилие, с которым Калев стискивал противника, передалось броне, из ее сочленений выхлестнули шипы, браслет на запястье освободил клинок из нитридной стали, его рукоятка привычно легла в ладонь. Он хотел дотянуться до горба за плечами одержимого, но не получилось. Тогда он ударил его в правый бок под ребрами, стараясь добраться до печени. Вероятно, чудовище все же ощущало боль - тварь с визгом отпрянула, ринулась к развалинам, и Охотник, привстав на колено, пустил вдогонку струю пламени из огнемата над шлемом. Он смог заметить, как почернела и повисла клочьями кожа на спине одержимого, потом монстр скрылся за полуразрушенной стеной. Раны и ожоги будто бы не сказались на скорости его движений.

Схватив лучемер, Калев стремительно поднялся. Помятые щитки царапали плечи, ручки пота текли по спине и щекам, жгли глаза, но его сердце билось ровно. Он был готов сражаться, стрелять, рубить клинком, рвать противника голыми руками, если вдруг лишится оружия. Здесь, на Опеншо, он столкнулся с одержимым вампиром, одной из самых опасных тварей в Галактиках, он мог проиграть и погибнуть, но это не значило ровным счетом ничего. Опасность была нерасторжима с ремеслом Охотников, и их путь нередко вел в долину смертной тени.

С клинка падали капли крови. Весли Кинг, не успевший отреагировать на внезапную атаку, с хрипом втянул воздух и хлопнул рукой по бедру.

- Достал! Ты все-таки его достал!

- Достал, но не убил, - с угрюмым видом буркнул Калев.

- Через пару минут он будет в порядке. Регенерация идет быстро.

Они направились к водоему. Огромная ледяная глыба вздымалась над землей, и в ее глубине темнели бесформенные пятна. Лед уже начал таять, капля за каплей прокладывали дорогу по его иссеченной трещинами поверхности, но зародыши гидры были мертвее мертвого.

- Может, зря мы их так? - сказал Весли Кинг. - Приманки теперь нет, и ничто не мешает клиенту удалиться. Не хотелось бы выслеживать его в этих развалинах.

Калев покачал головой.

- Он не уйдет.

- Ты уверен?

- Да. Мстительная тварь! Попробует нас прикончить.

Алая точка на экране быстро перемещалась, дьявол-кровопийца кружил вокруг водоема и площади, ждал, когда затянутся раны. Это не должно было занять много времени.

- У тебя есть зелье. Я видел, - произнес Кинг, и его взгляд метнулся к кармашку под коленом Калева - туда, где лежал крохотный инъектор. - Может быть, вколешь?

- Нет.

- Почему?

- Вдруг я не успею с ним разобраться и вырублюсь. Тогда он убьет нас обоих.

- Ну, так вколи мне.

Калев с минуту размышлял, затем промолвил:

- Ты, приятель, с ним не справишься даже с зельем, и мне придется стеречь твоё бесчувственное тело. Без обид, Весли. Наша работа не прощает ошибок.

- Согласен, - сказал партнер. - Что будем делать? Гоняться за ним по этой древней свалке?

- Гоняться ни к чему, сам нас найдет. Вернемся к реке, выманит его на открытый берег.

- Думаешь, он пойдет за нами, чтобы отомстить?

- Не только поэтому. - Кaleb бросил взгляд на солнце. — День в самом разгаре, а он с ночи ничего не ел, зато побегал изрядно. Он уже голоден, и мы - ближайший источник пищи.

Весли ухмыльнулся.

- Это вдохновляет! Но придется идти той же узкой щелью...

- Он сверился с изображением на экране. - Впрочем, другие щели еще уже. Проклятый город! Никакого места для маневра!

- Значит, почаще оглядывайся и держи оружие наготове, - буркнул Кaleb и направился к завалу, отделявшему площадь от улицы.

Они перебрались через обломки колонн с капителями в виде когтистых хищных лап, миновали расколотую надвое балку архитрава и разбитый фриз - с него топорщился какой-то страшный демон, окруженный змеями. Если эти руины были святилищем, подумал Кaleb, то поклонялись тут не очень приятным богам. Когти, клыки, разинутые пасти, хвосты с шипами... Подходящий антураж для монстра-кровопийцы.

Они двигались по самой узкой части улицы, между руинами домов, кое-где увенчанных зубцами и пилонами. Весли, соблюдая дистанцию, шел в четырех шагах за партнером, под его башмаками скрипела и трещала щебенка, но Кaleb различал и другие звуки - едва заметный шорох справа и шлепки, точно босые ноги касались камней. Охотники шагали к воротам, выходившим к мосту, и алая точка на экране упорно тянулась за ними. Одержимый был здесь, скрывался за стенами в нескольких метрах, и теперь его вела не только жажда мщения, его гнал голод. Может быть, голод затуманил остатки его разума, и Охотники уже не казались ему опасными; может быть, он считал их только лакомой добычей, бурдюками с кровью. В таком случае...

Шорох за полуразрушенной стеной сделался громче, и Кaleb, рванувшись вперед, крикнул:

- Беги, Весли! Быстрее!

Но партнер не успел. Полетели обломки, потом стена с шумом и скрипом осела, камень ударил Кинга по шлему, другой свалился на плечо с поврежденным щитком. В широком провале на месте рухнувшей стены возник белесый призрак - жуткий, перемазанный запекшейся кровью, покрытый пылью. Какую-то долю секунды Кaleb смотрел в его глаза, такие же непроницаемо темные и ледяные, как разделяющий Галактики мрак. Долгим ли было это мгновение?.. Он не знал, он мог сказать лишь одно: наверняка меньше, чем требовалось пальцу, чтобы нажать на спуск. Излучатель плюнул молнией, но одержимый уже исчез, будто растворился в хаосе стен, покосившихся труб и холмов мусора.

Весли стоял бледный, покачиваясь и мотая головой, его правая рука висела плетью.

- Хрр... ну, здоровый ч-черт... н-надо же, сте... стену об-рушил... - пробормотал партнер, хрипя и заикаясь. Потом добавил, справившись с голосом: - Кажется, у меня сломана ключица. Я сейчас, сейчас...

Он ткнул клавишу на поясе, под нагрудным панцирем пискнула аптечка, и щеки Весли начали розоветь.

- Идти можешь? - спросил Кaleb, поглядывая на экран. Алая отметка мерцала довольно далеко, метрах в ста двадцати, судя по масштабной сетке.

- Могу. И могу стрелять! - Кинг поднял левую руку с излучателем.

- Тогда двигаемся. Держись ко мне поближе.

Они успели сделать лишь несколько шагов, когда стена на повороте улицы рухнула, перегородив проход новым завалом. Кaleb отреагировал мгновенно - камни еще падали, когда он начал стрелять. Излучатель Весли добавил огня, его оружие было выставлено на максимум, и перед Охотниками вспыхнул плазменный фонтан. От него тянуло нестерпимым жаром, каменные глыбы трескались и осыпались мелкой пылью, столб багрового пламени с ревом поднялся к небесам. Казалось, ничто не может уцелеть в этом подобии ада, тем более живое существо.

- Жив, поганец, - с досадой молвил Весли, посмотрев на экран. - Разве что пятки ему подпалили.

Пламя опало, но обломки камней еще светились тусклым багрянцем и ветер кружил над ними облако раскаленной пыли. Охотники обошли это место стороной, пробираясь среди полуразрушенных стен и куч мусора, перепрыгивая через ямы и залитые водой траншеи, след бывших раскопок. Узкая часть улицы осталась позади, до ворот было рукой подать. Монстр упорно тащился

за ними, однако не атаковал - возможно, ему не только пятки подпалило, и гидре пришлось заняться восстановлением сгоревшей плоти. Слишком быстрая регенерация истощала организм носителя и не могла продолжаться вечно, но тварь, угнездившуюся в человеке, это не беспокоило - в ее распоряжении имелись другие особи, сотни, тысячи тел. Она могла выпить кровь из любого жителя поселка или перебраться в него, оставив Гауба обескровленным трупом.

"Удастся ли выманить его на берег?.. Устроить бы засаду, благо приманка найдется..." - размышлял Калев, всматриваясь в увеличенное изображение на экранчике. Зонд, не выпускавший одержимого из вида, висел метрах в сорока над городом. С высоты несчастный Гауб походил на тощую скорченную обезьяну, прыгавшую по камням с невероятной быстротой. Горб высоким острым конусом торчал между его лопаток, и казалось, что к спине человека приклеили странный колпак, обтянутый бледной кожей.

От реки напозла туча, закрыла солнце, небо потемнело, стал накрапывать дождь. Его струйки шелестели, ударялись о шлемы и броню, заливали лицевые щитки. Калев включил обдув. Весли, шагая за ним след в след, пробормотал:

- Так и не достали ублюдка... Клянусь Великими Галактиками! Непонятно даже, кто за кем охотится!

Калев не откликнулся. Они вышли из ворот и остановились на пологом речном берегу, вслушиваясь в шуршание дождя. Гравиплатформа покачивалась у воды справа от них, слева тянулась древняя дорога, ведущая к мосту. До вечера было еще не меньше четырех часов, но тучи плотно затянули небо, свет померк, дождь сделался сильнее. Прищурившись, Охотник смог различить холм за рекой, монастырскую башню, дома и толпу на окраине поселка. Люди стояли под дождем и, похоже, никто не уходил, никто не прятался под крышей; должно быть, они боялись ночи и одиночества.

Весли содрал разбитый щиток, его правое плечо, опухшее и побагровевшее, было обнажено. Препарат, введенный аптечкой, еще действовал, нейтрализуя боль, но выглядел партнер неважно, хотя храбрился и крепко сжимал излучатель левой рукой. Заразить перелом для любого хирурга - не проблема, но сейчас рассчитывать на Весли как на боевую единицу явно не стоило. Зато он мог пригодиться в ином качестве.

Осмотрев его, Калев буркнул:

- Вид подходящий. Еще бы кровь тебе пустить... От крови он совсем осатанеет.

- Ты что... - начал Весли, но тут же захлопнул рот. Кажется, понял.

- Отдай мне излучатель, шлем, клинки и лучевые ножи, - распорядился Калев. - Кинжал можешь оставить, только спрячь подальше. - Он принял оружие Весли. - Устроишься перед воротами, пусть он тебя сразу разглядит. Поза - по твоему выбору, но так, чтобы было ясно: бифштекс готов и полит соусом.

- Может, еще фазана на вертеле изобразить? - проворчал Весли, но послушно отправился к воротам, бросив на ходу: - Надеюсь, в этот раз ты не промажешь. Он лег на размокшую землю, подтянул колени к животу и замер, представившись полумертвым и совсем беспомощным. Дождь барабанил по его голове и нагому плечу, темный проем ворот с руинами башен казался драконьей пастью, готовой поглотить Охотника. Калев опустился на колени за платформой, щелкнул кольцами настройки на стволе излучателя. Минимум мощности, и поражающий конус не больше доли миллиметра; теперь луч разрежет плоть и кости, но не камень.

Не спуская глаз с ворот, он ждал, вслушиваясь в шорох дождя и тихие звуки, что доносились из города. Мышцы Калеба были расслаблены, он не шевелился и издалека мог сойти в своей серой броне за каменного идола, упавшего со стены или приворотной башни. Ожидание не тяготило его; много, много раз он так же ждал в засаде, ждал, когда появится очередная цель, вылезет из непроходимой чащи, ринется с небес, выплывет из вод морских либо возникнет из земных недр, из норы или пещеры. Умение ждать было не менее важным в его ремесле, чем зоркий глаз и острый слух. Нетерпеливые среди Охотников встречались редко и погибали быстро.

Белесый призрак мелькнул за воротами и сразу исчез. Глухо стукнул камень о камень, что-то зашуршало, и монстр на миг появился среди развалин башни. Калев был недвижим. Весли Кинг, старательно изображая обессиленного, приподнялся на локте, застонал и с воплем рухнул на мокрую землю. Актер он никакой, но стонет очень натурально, подумалось Калебу.

Дождь прекратился, но пелена туч все еще затягивала небо. В тусклом свете умирающего дня город выглядел особенно мрачным; чудилось, что древние демоны, некогда обитавшие в нем, ожили на какое-то время и смотрят на Охотников тысячей жадных глаз. Смотрят и ждут, когда среди руин разыграется новая драма, и на камни падет кровь героя или сраженного им чудовища.

Кaleb не уловил тот миг, когда стремительная тень скользнула к Весли Кингу. Только что пространство перед воротами было пустым, на стене и башнях - ни движения, но не прошло и доли секунды, как яростный вопль Весли разорвал тишину. Тощая голая тварь оседлала его, прижав одной рукой Охотника к земле, а другой дергая оплечье кирасы, защищавшее шею. Должно быть, монстру не терпелось добраться до сонной артерии, и он никак не мог сообразить, отчего добыча такая жесткая, почему, вместо треска костей и предсмертного вскрика, она все еще вопит и шевелится.

- Вот ты и попался, приятель, - едва слышно шепнул Кaleb, поднимая лучemet. Тонкая фиолетовая игла прошла висок одержимого, он вздрогнул и повалился прямо на Весли. Тот с проклятием отшвырнул легкое тело к стене - с такой силой, что череп треснул, ударившись о камень. Затем Весли поднялся, сжимая в левой руке кинжал.

- Ну, теперь-то я разделаю ублюдка!

- Назад, - велел Кaleb. - Ты без шлема и щитка, так что к нему не приближайся. Назад, я сказал! Шагай к платформе, живо!

Весли Кинг с ворчанием отступил. Его нагрудный панцирь казался изжеванным, весь в вмятинах, словно по кирасе с неимоверной силой прошли тяжелым молотком. Броня из модифицированного пластика была легкой и гибкой, но прочностью не уступала стали; помять или пробить ее могли разве что клыки тиранозавра. Покосившись на эти страшные следы, Кaleb хмыкнул, освободил из магнитных захватов клинок и зашагал к труп одержимого.

Но наросту за его плечами прокатывались волны, горб трепетал и подрагивал - гидра спешила выбраться наружу и подыскать нового носителя. Охотник точным ударом рассек кожу на спине мертвеца, словно вскрыл застаревшую гнойную язву. Темный бесформенный сгусток, сросшийся с плотью человека, зашевелился энергичнее, приподнялся и внезапно выстрелил вверх и в стороны десятки нитей с острыми ороговевшими концами. Они ударили по броне и лицевому щитку Охотника, бессильно опали, втянулись стремительно в тело гидры и ударили снова.

- Во имя Жизни и Света, - произнес Кaleb древнюю формулу, девиз Монастырей. Острие его клинка крест-накрест перечеркнуло темный сгусток, затем он наклонился, поддел тварь рукой с растопыренными пальцами и вырвал из мертвой плоти Гауба.

Издыхая, гидра корчилась у его ног. Кaleb оттащил труп к платформе, потом вернулся и сжег останки гидры из огнемета. Запах был неприятный, мерзкая вонь по правде говоря, но он не морщился, ибо запах был привычен и знаком - охота часто заканчивалась огненной стерилизацией. Для Потомственного Охотника то был запах победы.

Защелкнув на бедре клинок, Кaleb направился к платформе, висевшей у самой воды. Весли Кинг уже взвалил на нее тело погибшего и сидел с края, поигрывая ножом.

- Отрежем ему голову?

- Зачем?

- На всякий случай. Его мозг пронизан нитями.

Кaleb покачал головой.

- Гидра мертва, и нити просто сгниют. - Он всмотрелся в лицо Гауба, умиротворенное и спокойное, потом добавил: - Не будем его уродовать, Весли. Он снова человек, хоть и мертвый.

Платформа перевезла их через реку, к холму и толпе, все еще грудившейся на окраине поселка. Инес вскрикнула, увидев тело мужа, и закрыла лицо руками, брат Павел принялся читать молитву. Остальные тихо шептались, вытирали мокрые лица, вздыхали с облегчением, делали знаки, отвращающие несчастье. Ветер угнал тучи за реку, и на небе, что становилось темнее с каждой минутой, начали загораться звезды. Их мерцающие огни складывались огромной аркой, что была частью внешней спирали этой галактики. Далекой, очень далекой от родного мира Калеба.

Он повернулся к Инес ар'Гауб и сказал:

- Не плачь, сынона, не плачь. Ты теперь вдова, и в этом есть свои преимущества. Я могу переночевать сегодня в твоём доме?

- Оставь эту женщину! Ее горе требует одиночества, слез и молитв! - вмешался брат Павел, испепеляя Калеба суровым взглядом. - В Монастыре вам будет гораздо удобнее. Я вижу, твой напарник ранен... У нас есть опытные врачи, робот-диагност и ванна с раствором для реанимации.

- Моему товарищу подойдет, а мне врачи и ванны не нужны, - сказал Калев. - Прощай, монах.

Он ничего не имел против денег Монастырей, но сами их служители внушали ему презрительную неприязнь. Все эти братья, исповедники, адепты, иерархи... бесполье, как трутни, и столь же бесполезные... Им не объяснишь, что женщина нуждается не в молитвах, а в утешении, которое способен дать лишь мужчина. Не обязательно в постели - можно присесть к столу, поговорить, заночевать в ее жилище... Хотя постель тоже не исключается.

- погоди, сын Охотник! - Брат Павел вцепился в оплечье его брони. - Поднимись в башню, умойся и поешь! Грех отказываться от нашего гостеприимства и нашего хлеба!

- Такие грехи меня не волнуют. - Резким движением Калев сбросил ладонь монаха. - Ты хотел увидеть труп одержимого - вот он!

А остальное... Я умоюсь водой из колодца, выпью кружку вина и съем хлеб в доме этой женщины.

Взяв Инес за руку, он зашагал к поселку.